

И.Г. Дубровская

Фирс

Персонаж пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», лакей, старик 87 лет. Фирс Николаевич — слуга в имении Раневской и Гаева, он служил еще их отцу и деду. После отмены крепостного права, по его словам, не согласился на волю («...воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах... И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают»). Дореформенная жизнь Фирса вполне устраивала. «...Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего». Отмена крепостного права для него — несчастье. Замирающий, печальный звук лопнувшей струны напоминает Фирсу время перед отменой крепостного права: «Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь».

Фирс слаб, болен, но поддерживает себя старым дедовским способом: «...Что-то ослабел я. Барин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше; может, я от него и жив». Увидев, что Фирс нездоров, Раневская предлагает ему уйти спать, но Фирс не соглашается: «Да... (С усмешкой.) Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом».

Фирс постоянно в делах, озабочен, хлопотлив, старается соблюдать все правила ведения барского дома: в пиджаке и белом жилете готовит кофе, подает его в белых перчатках, кладет подушечку под ноги Раневской, во время танцев, одетый во фрак, приносит на подносе сельтерскую воду. Кроме этого, Фирс выполняет обязанности камердинера при Гаеве, ухаживая за ним, как за ребенком: «Леонид Андреевич, Бога вы не боитесь! Когда же спать?»; «А Леонида Андреевича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того гляди, простудится. Эх, молодо-зелено!»; «Опять не те брючки надели. И что мне с вами делать!».

Фирс очень привязан к господам: «Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть... (Плачет от радости.)» На вопрос Раневской, куда он пойдет, если продадут имение, Фирс отвечает: «Куда прикажете, туда и пойду».

Фирс для Раневской — это неотъемлемая часть дома, родины, всего, что ей дорого как память о детстве, о стране, которую она не видела несколько лет:

«Неужели это я сижу? (Смеется.) Мне хочется прыгать, размахивать руками. (Закрывает лицо руками.) А вдруг я сплю! Видит Бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. (Сквозь слезы.) Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив».

Для лакея Раневской Яши Фирс — это тоже своего рода «знак» русской жизни, с которой он мечтает расстаться:

«Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно. (Оглядываясь, вполголоса.) Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. Возьмите меня с собой, будьте так добры!»

Гаев принимает заботу Фирса как нечто должное, но обременительное: «Ты уходи, Фирс. Я уж, так и быть, сам разденусь» Фирс помнит то время, когда его хозяева были деятельны, предприимчивы, хозяйство налажено, вишневый сад давал доход. Рассказ старика об этом Гаев прерывает: «Помолчи, Фирс». В доме не вслушиваются в слова

Фирса, считают их старческим брюзжанием («Уж три года так бормочет. Мы привыкли»). Непонятные для окружающих слова Фирса уместны, разумны. Они важны в проблематике пьесы («враздробь», «недотепа»). Суждения Фирса о людях лаконичны, умны и справедливы. Горничной Дуняше, у которой голова кружится от танцев и от любви, Фирс говорит: «Закрутишься ты». На реплику Яши: «Хоть бы ты скорей подох» — Фирс отвечает: «Эх ты... недотепа!»

Старый Фирс забыт в заколоченном доме. В тексте нет указания, кто в этом виноват.

А н я. Фирса отправили в больницу?

Я ш а. Я утром говорил. Отправили, надо думать.

А н я (*Епиходу, который проходит через залу*). Семен Пантелеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу.

Я ш а (*обиженно*). Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз!

Е п и х о д о в. Долголетний Фирс, по моему окончательному мнению, в починку не годится, ему надо к праотцам. А я могу ему только завидовать. (*Положил чемодан на картонку со шляпой и раздавил*) Ну вот, кончено. Так и знал. (*Уходит.*)

Я ш а (*насмешливо*). Двадцать два несчастья...

В а р я (*за дверью*). Фирса отвезли в больницу?

А н я. Отвезли.

В а р я. Отчего же письмо не взяли к доктору?

А н я. Так надо послать вдогонку...»

Финальная сцена — своего рода подведение итогов жизни Фирса:

«Сцена пуста. Слышно, как ключ запирает все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно. Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается Фирс. Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли. Он болен.

Ф и р с (*подходит к двери, трогает за ручку*). Заперто. Уехали... (*Садится на диван.*) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич небось шубы не надел, в пальто поехал... (*Озабоченно вздыхает.*) Я-то не поглядел... Молодо-зелено! (*Бормочет что-то, чего понять нельзя.*) Жизнь-то прошла, словно и не жил. (*Ложится.*) Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотепа!.. (*Лежит неподвижно.*)

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву».